

ДВА МОТИВА В МИФОЛОГИЯХ ЗАПАДНОЙ МЕЛАНЕЗИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛАПИТЫ

Статья основана на электронном каталоге мифологических мотивов, который доступен на сайте <http://starling.rinet.ru/kozmin/tales/index.php?index=berezkin>. Обновление сайта происходит ежегодно в декабре–январе. В 2009–2010 гг. работа над каталогом поддерживалась грантом РФФИ № 07–06–00441 и программой Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Карты распространения мотивов по выделенным ареалам и английские определения мотивов см. на сайте: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>, обновление карт — дважды в год.

Со времени открытия лапиты и признания за ней статуса культуры, предковой для носителей австронезийских языков в пределах почти всей Океании [Sinoto 1992: 206], исследователей не перестает поражать несоответствие лингвистической принадлежности обитателей Вануату, Новой Каледонии и островов Лояли их антропологическим характеристикам. Все без исключения языки этих островов принадлежат к числу австронезийских, но культура местных обитателей и их физический тип указывают на родство с папуасами. Для архипелага Бисмарка и Соломоновых островов подобного противоречия нет. Эти территории были заселены задолго до появления в Океании австронезийцев, а папуасские языки сохранились там до сих пор. Однако поиски более древних, чем лапита, памятников на Вануату и других удаленных архипелагах результатов не дали [Sand 1997: 539–547; 1998: 194–223; 2001: 65–76]. Единственная гипотеза, которая позволяет объяснить существующий парадокс, — это предположение о различной культурной и расовой принадлежности тех людей, которые в разное время и в разных районах изготавливали керамику лапита или, по крайней мере, ею пользовались. Лингвисты доказывают наличие в австронезийских языках Вануату и Новой Каледонии черт, обнаруживающих соответствия в неавстронезийских языках региона [Donohue, Denham 2008: 433–443]. Не углубляясь в языковедение и археологию, приведем некоторые материалы из мифологии, имеющие отношение к данной проблеме. Речь пойдет о повествованиях, включающих мотивы «смена кожи как условие бессмертия» и «цепочка из стрел».

«Смена кожи как условие бессмертия» — самый характерный из числа мотивов, связывающих Африку южнее Сахары с индо-тихоокеанской

половиной мира. Мотивы этого рода могут являться наследием первых сапиенсов, начавших 50–60 тыс. лет назад распространяться из Африки вдоль побережья Индийского океана [Березкин 2007а: 70–89; Berezkin 2009а: 242–264; 2009б: 3–28]. Мифологический мотив смены кожи предполагает, что существо, поменявшее свою кожу (панцирь и т.п.), молодеет, так что продолжительность его жизни не ограничена. Почти всегда речь идет о том, как люди утратили способность омолаживаться или упустили возможность ее получить. Нетипичные варианты (конкретный человек, а не люди вообще, омолодился подобным образом; змеи — безотносительно к людям — сбрасывают кожу и молодеют) представлены единично и преимущественно за пределами основных областей распространения мотива, в частности на Ближнем Востоке (финикийцы, древние греки) и в Арктике (восточные инуиты). Помимо встречающегося в большинстве текстов противопоставления смертных людей вечным змеям (реже — беспозвоночным или сбрасывающим кору деревьям), африканские, индонезийские, меланезийские и южноамериканские версии связывает дополнительная деталь: люди больше не меняют кожу, так как родственники не узнали человека в новом обличье или потревожили его в момент обновления. Эта подробность и будет нас интересовать.

В Полинезии мотив смены кожи довольно редок (Самоа, Туамоту, Гавайи) и связан с противопоставлением людей моллюскам или ракообразным [Beckwith 1970: 234–236; Anell 1989: 22]. На Онтонг Джава, полинезийском анклав к северу от Соломоновых островов, «змеи не водятся, но ящерицы считаются бессмертными, регулярно меняя кожу» [Anell 1989: 22]. Сходные представления зафиксированы на соседнем острове Нукуману [Sarfert, Damm 1931: 458]. Мотив утраты способности обновляться в результате того, что персонажа не узнали в новом обличье или потревожили, когда он сбрасывал старую кожу, в Полинезии отсутствует. У папуасов Новой Гвинеи и архипелага Бисмарка сам по себе мотив смены кожи хорошо представлен, но уточняющий мотив прерванного омоложения или неузнанного после омоложения персонажа здесь также не удалось обнаружить. В новогвинейско-меланезийском ареале этот мотив характерен исключительно для меланезийцев архипелага Бисмарка, островов округа Массет у юго-восточной оконечности Новой Гвинеи, Соломоновых островов, Новой Каледонии и Вануату. В некоторых случаях мотив неузнанного и отвергнутого родственниками персонажа сочетается не с мотивом сброшенной кожи, а с мотивом омоложения иным способом, обычно путем купания в источнике. Вот несколько примеров.

Лакалай (Новая Британия). Старуха снимала кожу, внук испугался, увидев ее молодой и не узнав. Чтобы утешить его, старуха снова надела старую кожу, с тех пор люди не молодеют [Valentine 1965: 165].

Добу (округ Массет). Жена северо-восточного Ветра, взяв внучку, пошла купаться. Отойдя вниз по течению, она сняла старую кожу и вернулась молодой. Внучка не признала в женщине бабушку, заплакала. Та нашла сброшенную кожу, надела ее снова, поэтому люди больше не молодеют. Пока кожа валялась, змеи, ящерицы, крабы, омары поели ее. Теперь они сбрасывают кожу и обновляются [Fortune 1932: 186].

Тробрианцы (округ Массет). Бабка с внучкой пошли купаться. Бабка отошла в сторону, сняла кожу, сделалась молодой. Внучка не узнала ее и прогнала. Разгневанная старуха пообещала, что отныне молодые будут стариться и умирать. Способность сбрасывать кожу и обновляться сохранили только живущие под землей «нижние существа», т.е. змеи, крабы, игуаны и ящерицы. Раньше люди жили под землей, а если бы они жили наверху, то кожу сейчас сбрасывали бы и модели «верхние существа» — птицы, летучие лисицы и насекомые [Malinowski 1926: 81–83; 1948: 104].

О-ва Адмиралтейства. Старуха выкупалась, сменила кожу, сделалась молодой. Когда ее сыновья вернулись, один назвал ее матерью, другой — женой. Старуха сказала, что теперь люди станут умирать и натянула свою старую кожу [Meier 1908, № 1: 193].

Гуадалканал (Соломоновы о-ва). В источнике жил дух, делавший купавшихся молодыми. Старуха выкупалась, ее маленький ребенок ее не узнал, заплакал. Мать окунулась снова, попросив духа вернуть ей ее прежний облик. Тот выполнил просьбу, но покинул источник, и после этого люди не омолаживаются [Anell 1964: 3].

Анейтьом (Вануату). Работая на огороде, старик снимал старую кожу, делался молодым. Его внуки нашли кожу и продырявили. Надев ее, старик стал дрожать от холода. Он сказал внукам, что теперь люди не станут молодеть и жить вечно, но будут умирать [Williamson 1933: 146–147].

Танна (Вануату). Старуха оставила ребенка в углублении на скале, сняла старую кожу, сделалась молодой, стала купаться. Ребенок ее не узнал, ей пришлось надеть старую кожу, поэтому люди теперь умирают [Williamson 1933: 147].

Остров Янде (Новая Каледония). Паиму Пюрехевази предложил жене сменить кожу и жить вечно. Та ответила, что лучше родить детей. Мужу это предложение не понравилось, он ушел в дом сменить кожу и не велел жене идти следом. Однако жена вошла, муж согласился сой-

тись с ней, она родила детей, а муж не сменил кожу [Leenhardt 1932: 447; Пермяков 1970, № 81: 193].

Тексты подобного рода записаны также у меланезийцев полуострова Газель на Новой Британии [Пермяков 1970, № 44: 120–121], у обитателей Малаиты, Сан-Кристовалия и Флориды в пределах Соломоновых островов [Anell 1964: 4; Fox, Drew 1915: 238; Frazer 1939: 242], у жителей Вануату на островах Банкс, Оба, Малекула, Пентекост, Анейтьюм [Anell 1964: 6; Codrington 1881: 274; 1891: 283–284; Deacon 1934: 581; Fox, Drew 1915: 238; Suas 1912, № 5: 44; Tattevin 1931, № 25: 875–876; Williamson 1933: 147]. Тянувшаяся от Новой Каледонии на север и запад цепочка текстов с мотивом неудачной попытки сменить кожу не кончается на архипелаге Бисмарка, но, минуя Новую Гвинею, уходит далее на Молукки, Тимор и Сулавеси с ответвлением в Микронезию на острова Палау. Все группы, у которых записаны тексты, — австронезийские по языку. Любопытно, что именно на Палау обнаружены древнейшие в Микронезии и примерно синхронные ранней лапите (3300–3000 лет назад) следы пребывания человека [Clark 2005: 369–370].

Вот несколько примеров восточно-индонезийских текстов.

Западные тораджа (Сулавеси). Люди меняли кожу и молодели. Мать с детьми пошла к воде сменить кожу. Дети не узнали ее, испугались, она надела прежнюю кожу, сказала, что люди станут умирать [Kruyt 1938, № 8: 434, 436–437].

Острова Кай (южные Молукки). Старики купались, сбрасывая старую кожу и омолаживаясь. Когда Мимингунг вернулась домой юной девушкой, ее внук не признал ее и стал плакать. Мимингунг в гневе пошла назад к реке, напялила старую кожу, сказала, что саранча будет сбрасывать кожу и обновляться, а люди — умирать, после чего умерла сама [Anell 1964: 2].

Тетум (Тимор). Люди обновлялись, подобно змеям. Помолодевшую женщину ее дети не узнали и не впустили в дом. Тогда она приняла прежний облик, обрезала плющ, связывавший небо и землю, небо поднялось на нынешнюю высоту [Vroklage 1952: 129].

Палау. Сыновья желали, чтобы мать жила вечно, пошли к Тангрегои, тот дал ветку драцены, велел опустить в водоем, где купается их мать. Мать сделалась молодой, но дочь не признала ее. Тогда она выкупалась еще раз и опять стала старухой [Anell 1964: 6].

Аналогичные тексты записаны на Сулавеси у мори и лоинанг [Fischer 1932: 213–214] и на острове Бабар в южных Молукках [Briffault 1927: 644].

К северу от Сулавеси и Молукк цепочка текстов на подобный сюжет прерывается. В Восточной Азии, в Северной и Центральной Америке данного мотива нет, и он вновь появляется лишь у индейцев востока Южной Америки (яномами, секоя, харакмбет, намбиквара [Becher 1974: 29; Califano 1976–1980: 126–127; Cipolletti 1988, № 9: 73–75; Pereira 1983, № 25: 41–42]). Приведем два примера.

Яномами (верховья Ориноко). Женщина только что поменяла в реке кожу. Ее сын при виде помолодевшей матери пришел в возбуждение и изнасиловал ее. Божество-луна приложило к его телу сброшенную его матерью кожу, и юноша сам превратился в старуху.

Намбиквара (Мату-Гросу). Юноша мечтает о том, чтобы его мать снова была молодой. Та наряжается, идет к ручью, купается, снимает с себя кожу, как это делают змеи и ящерицы, становится молодой, кожу прячет на дереве, велит внукам не трогать ее. Те стреляют в кожу из луков, поэтому люди теперь умирают.

Ареал распространения мотива цепочки из стрел в общем и целом близок ареалу мотива неудавшейся смены кожи, хотя в отличие от объяснений смертной природы людей, тексты с мотивом цепочки из стрел не связаны с одним определенным сюжетом, но описывают разные ситуации, в которых герои должны забраться на небо или — реже — преодолеть водную преграду. Суть мотива в том, что каждая из пущенных стрел вонзается в хвост предыдущей и вместе они превращаются во что-то вроде цепочки, веревки или веревочной лестницы. В Меланезии «цепочка из стрел» известна почти исключительно обитателям Вануату (острова Торрес, Аоба, Эфате, Маэво и другие более мелкие), а кроме того, меланезийцам восточного побережья Новой Гвинеи [Пермяков 1970, № 54: 137–138; Codrington 1891, № 1: 373–375; Dixon 1916: 139; Natt 1949: 44; Lessa 1961: 129–130; Suas 1912, № 10a: 54–57, 57–60]. В островной части Юго-Восточной Азии мотив представлен на Палаване, на Суматре (у батаков) и на Калимантане (у нгаджу) [Fischer 1932: 222, 237; Macdonald 2005: 77–78; Schäfer 1966: 48–53, 125–126]. Далее он зафиксирован на Малаккском полуострове у семангов [Evans 1937: 14; Endicott 1979: 164], а еще дальше в Гималаях у лепча [Siiger 1967, № 2: 215–218] и в Приморье у удегэйцев и орочей [Лебедева и др. 1998, № 107: 474–476; Маргаритов 1888: 29]. В Северной Америке «цепочка из стрел» встречается во многих десятках текстов, записанных в пределах насыщенного разноразличными этносами, но компактного и четко ограниченного ареала, охватывающего часть заселенных атапасками внутренних районов Аляски, Северо-Западное Побережье и Плато (источники не указываю ввиду их обилия). В Южной Америке этот мотив

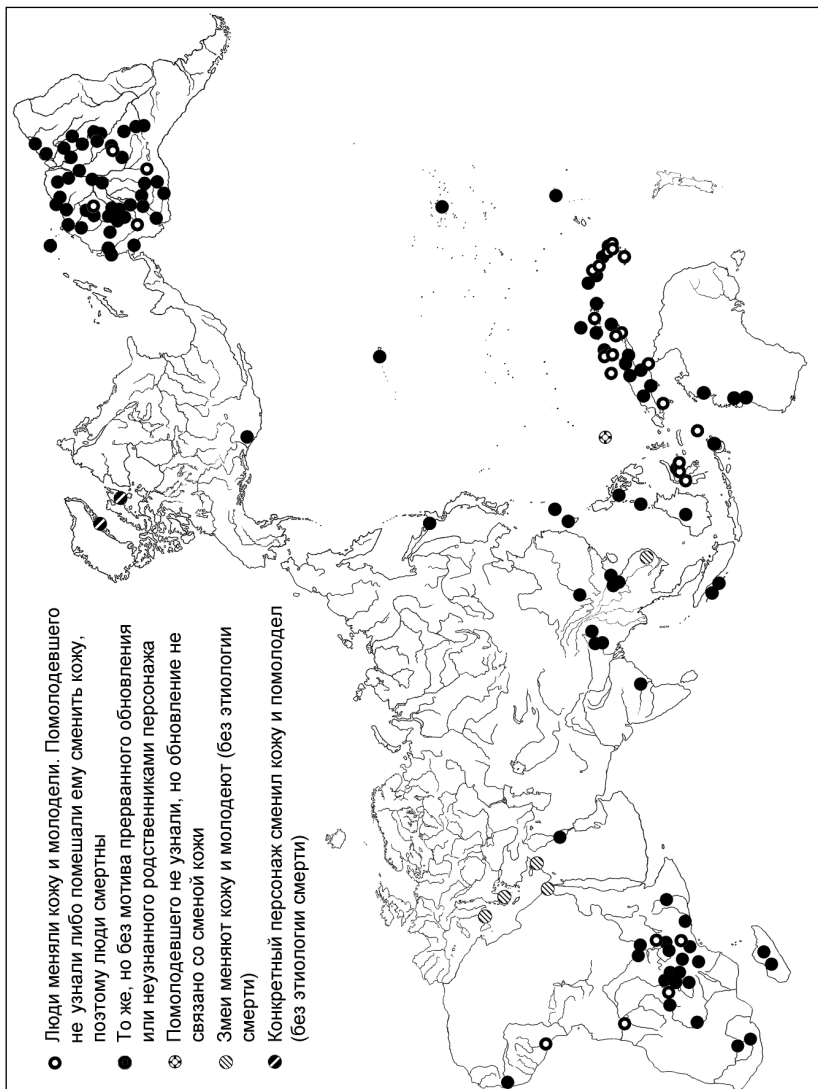

Рис. 1.
 Распространение
 мотивов «смена
 кожи как условие
 бессмертия»
 и «неулавливаясь
 обновление»

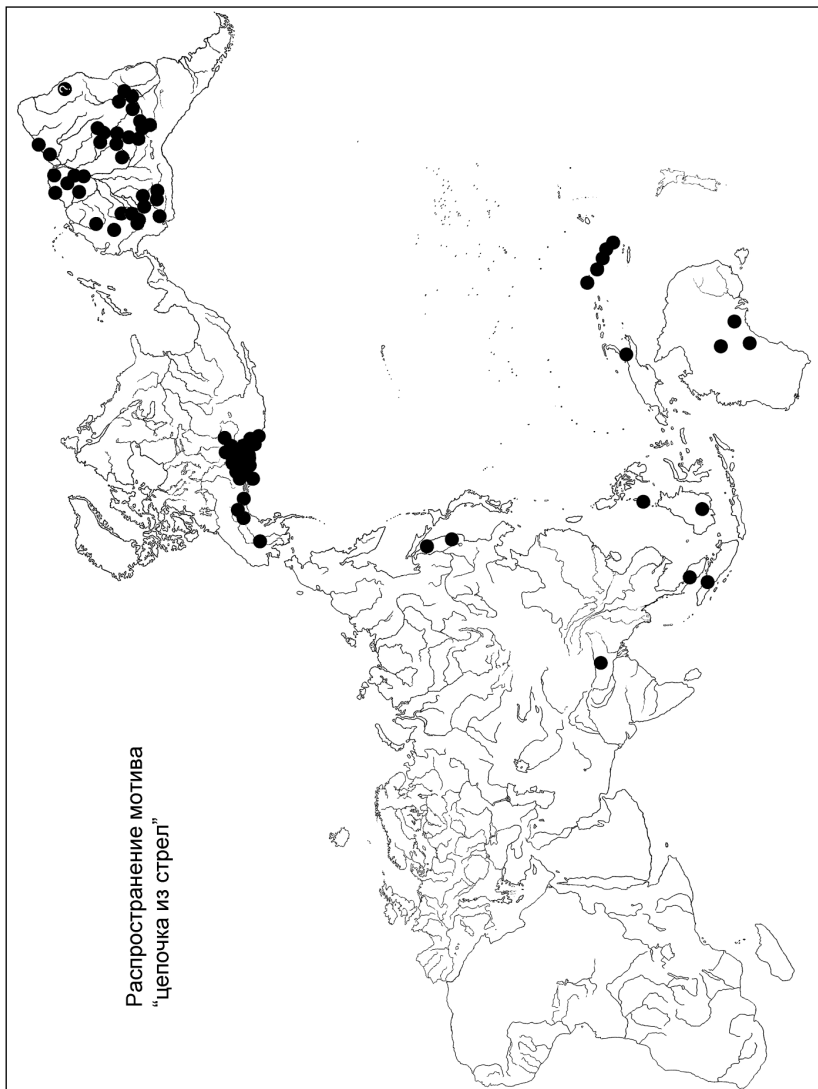

Рис. 2.
Распространение
мотива «цепочка
из стрел»

характерен почти для всего востока континента, хотя в наиболее удаленных от Панамского перешейка районах, таких как Огненная Земля, Патагония и Бразильское нагорье, «цепочка из стрел» отсутствует.

В Австралии мотив цепочки из стрел (точнее дротиков, поскольку лук здесь не был известен) изредка встречается только на юге континента [Dixon 1916: 294; Pettazzioni 1924: 162–163; Waterman 1987: 101]. Мотив смены кожи в Австралии имеется, но довольно редок (три случая на северо-западном побережье [Poignant 1967: 136; Waterman 1987: 86]), а мотив прерванного процесса смены кожи или персонажа, неузнанного после омоложения, отсутствует.

Выводы

Папуасы внутренних районов Новой Гвинеи в заселение Океании, разумеется, не были вовлечены. Речь может идти о доавстронезийских группах, вошедших в контакт с австронезийцами в зоне формирования лапиты по берегам моря Бисмарка. Однако наличие индонезийских параллелей меланезийским текстам допускает возможность того, что взаимодействие с аборигенным населением началось раньше, по ходу освоения австронезийцами островной части Юго-Восточной Азии. Отсюда — распространение интересующих нас мотивов не только в западной Меланезии (при отсутствии на Новой Гвинее), но и в Индонезии и на филиппинском Палаване. Лингвистические особенности, связывающие Вануату и Новую Каледонию с более северными и западными районами, также представлены не только на Новой Гвинее, но и в Индонезии, Микронезии и на Филиппинах [Donohue, Denham 2008, maps 1–6].

Некоторые мифологические мотивы и некоторые особенности мужских ритуалов на Новой Гвинее и на востоке Южной Америки очень похожи [Березкин 2002: 172–177]. В то же время предположение о миграции папуасов в Америку явно нелепо, а культуры Новой Гвинеи и Амазонии все же нельзя назвать идентичными. Первые люди, которые проникли в Южную Америку, не были американоидами, но их кранеологические характеристики не дают оснований слишком тесно сближать их с папуасами и обитателями западной Меланезии. Скорее речь идет о протоморфных группах, находившихся близко к основанию восточного расового ствола [Березкин 2007b: 162–163]. Не исключено, что в совокупности ареалы распространения мотивов цепочки из стрел (дротиков) и прерванного омоложения фиксируют вехи на маршрутах расселения

данных групп. Исходная область, откуда началось расселение, могла охватывать ныне затопленные мелководья Восточной Азии (Сунда) и Австралии — Новой Гвинеи (Сахул). Смещение к северу ареала распространения человека современного вида в тихоокеанском бассейне и заселение Нового Света, скорее всего, были вызваны не только улучшением условий обитания в Северной Пацифике после окончания ледникового максимума, но и затоплением в это время огромных территорий на юге. Результатом подобных процессов и стало появление сходных мифологических мотивов по всей циркумтихоокеанской дуге от Меланезии до Амазонии. За прошедшие тысячелетия наследие ранних протоморфных групп было в значительной мере стерто и перекрыто новыми культурными формами азиатского происхождения. Поэтому оно сохранилось лишь в отдельных изолированных ареалах, разделенных огромными расстояниями.

***

Березкин Ю.Е. Рец. на «Gender in Amazonia and Melanesia. An Exploration of the Comparative Method. Berkeley; Los Angeles; L., 2001. 392 p.» // Этнографическое обозрение. 2002. № 6. С. 172–177.

Березкин Ю.Е. Происхождение смерти — древнейший миф // Этнографическое обозрение. 2007а. № 1. С. 70–89.

Березкин Ю.Е. Мифы заселяют Америку. Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М., 2007б.

Лебедева Е.П. и др. Фольклор удэгейцев / сост., вступ. ст., комм. и словарь Е.П. Лебедевой, М.М. Хасановой, В.Т. Кялундзюги, М.Д. Симонова. Новосибирск, 1998.

Маргаритов В.П. Об орочах Императорской Гавани. СПб., 1888.

Пермяков Г.Л. Сказки и мифы Океании. М., 1970.

Anell B. The origin of death according to the traditions in Oceania // *Studia ethnographica upsaliensia*. 1964. Vol. 20. P. 1–32.

Becher H. Poré/Perimbó. Einwirkungen der lunaren Mythologie auf den Lebensstil von drei Yanonámi-Stämmen — Surára, Palidaí, und Ironasitéri. Hannover, 1974.

Beckwith M. Hawaiian Mythology. Honolulu, 1970.

Berezkin Yu.E. Why are People Mortal? World Mythology and the «Out-of-Africa» Scenario // *Ancient Human Migrations. A Multidisciplinary Approach*. Salt Lake City, 2009а. P. 242–264.

Berezkin Yu.E. Out of Africa and further along the Coast (African — South Asian — Australian mythological parallels) // *Cosmos: The Journal of Traditional Cosmology Society*. 2009b. Vol. 23. № 1. P. 3–28.

Briffault R. The Mothers. A Study of the Origins of Sentiments and Institutions. Vol. 2. L.; N.Y., 1927.

Califano M. Muerte, miedo y fascinación en la crisis de embüye de los Mashco de la Amazonia Sudoccidental // *Runa*. 1976–1980. Vol. 13. № 1–2. P. 125–151.

Cipolletti M.S. Aipë Koka. La Palabra de los Antiguos. Tradición Oral Siona-Secoya. Quito, 1988.

Clark G.R. A 3000-year culture sequence from Palau, Western Micronesia // *Asian Perspectives*. 2005. Vol. 44. № 2. P. 349–380.

Codrington R.H. Religious beliefs and practices in Melanesia // *The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1881. Vol. 10. P. 261–316.

Codrington R.H. The Melanesians. Oxford, 1891.

Deacon A.B. Malekula: a Vanishing People in the New Hebrides. L., 1934.

Dixon R.B. Océanic Mythology. Boston, 1916.

Donohue M., Denham T. The language of Lapita: Vanuatu and an early Papuan presence in the Pacific // *Oceanic Linguistics*. 2008. Vol. 47. № 2. P. 433–443.

Endicott K. Batek Negrito Religion. Oxford, 1979.

Evans I.H.N. The Negrites of Malaya. Cambridge, 1937.

Fischer H.Th. Indonesische Paradiesmythen // *Zeitschrift für Ethnologie*. 1932. Bd. 64. H. 1–3. S. 204–245.

Fortune R.F. Sorcerers of Dobu. The Social Anthropology of the Dobu Islanders of the Western Pacific. L., 1932.

Fox C.E., Drew F.H. Beliefs and tales of San Cristobal // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1915. Vol. 45. P. 131–228.

Frazer J.G. The Native Races of Australasia. L., 1939.

Hatt G. Asiatic Influences in American Folklore. København, 1949.

Kruyt A.C. De West-Toradjas op Midden-Celebes. Deel II. Amsterdam, 1938.

Leenhardt M. Documents Néo-Calédoniens. P., 1932.

Lessa W.A. Tales from Ulithi Atoll: A Comparative Study in Oceanic Folklore. Berkeley, 1961.

Macdonald C. Du corps déconstruit au corps reconstruit // *L'Homme*. 2005. Vol. 174. P. 75–102.

Malinowski B. Myth in Primitive Psychology. L., 1926.

Malinowski B. Magic, Science and Religion and Other Essays. Boston, 1948.

Meier P.J. Mythen und Sagen der Admiralitätinsulaner // *Anthropos*. 1908. Bd. 3. H. 2. S. 193–206.

Pereira A.H. O Pensamento Mítico dos Nambikwara. São Leopoldo, 1983.

Pettazzoni R. The chain of arrows: the diffusion of a mythic motive // *Folklore*. 1924. Vol. 35. № 2. P. 151–165.

Poignant R. Oceanic Mythology. The Myths of Polynesia, Micronesia, Melanesia, Australia. L., 1967.

Sand C. The chronology of Lapita ware in New Caledonia // *Antiquity*. 1997. Vol. 71. P. 539–547.

Sand C. Recent archaeological research in the Loyalty Islands of New Caledonia // *Asian Perspectives*. 1998. Vol. 37. № 2. P. 194–223.

Sand C. Evolution in the Lapita cultural complex: a view from the Southern Lapita province // *Archaeology in Oceania*. 2001. Vol. 36. P. 65–76.

Sarfert E., Damm H. Luangia und Nukumanu. Hamburg, 1931. Ergebnisse der Südsee Expedition, 1908–10. Bd. 12. Teil 2. S. 245–506.

Schärer H. Der Totenkult der Ngadju Dajak in Süd-Borneo. 'S-Gravenhage, 1966.

Stiger H. The Lepchas. Part 1. Copenhagen: The National Museum of Denmark, 1967.

Sinoto Y.H. A brief overview of current knowledge on the eastward expansion of early populations in Oceania // *Japanese as a Member of the Asian and Pacific Populations*. Tokyo, 1992. P. 205–221.

Suas J.Bt. Lolopuépué (Oba). Mythes et légendes des indiennes des Nouvelles-Hébrides (Océanie) // *Anthropos*. 1912. Vol. 7. Fasc. 1–2. P. 33–66.

Tattevin P.E. Mythes et légendes du sud de L'île Pentecôte // *Anthropos*. 1931. Vol. 26. Fasc. 5–6. P. 863–881.

Valentine C.A. The Lakalai of New Britain // *Gods, Ghosts, and Men in Melanesia*. Melbourne, 1965. P. 162–197.

Vroklage B.A.G. Ethnographie der Belu un Zentral-Timor. Teil 2. Leiden, 1952.

Waterman P.P. A Tale-Type Index of Australian Aboriginal Oral Narratives. Helsinki, 1987.

Williamson R.W. Religious and Cosmic Beliefs of Central Polynesia. Vol. 2. Cambridge, 1933.